

**ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ
В МАСТЕРСКОЙ БУДУЩЕГО
(Три очень личных наблюдения
по поводу одного неоконченного события)**

И. ЛИНКЕ

I. То, что я собираюсь вам сказать, ни в коем случае не должно быть понято как некролог. Для этого еще не наступило время, потому что так называемый распад Советского Союза 20 лет назад нельзя рассматривать как одномоментное действие. Скорее речь идет о процессе, начавшемся гораздо раньше судьбоносного 1991 года и до сих пор не оконченном. Уместным был бы даже образ цепной реакции, в ходе которой высвобождаются все новые продукты распада. Между прочим, крупнейший продукт этого процесса – Российская Федерация – является частью именно советского проекта, и в последнюю очередь дореволюционной России.

Итак, Советский Союз продолжает существовать. Он до сих пор вокруг нас – когда мы садимся в метро, когда заходим в здания академических институтов, когда смотрим по телевизору программу «Время». А совсем недавно дух СССР буквально «вошел» в меня, когда я проходил мимо исторического здания Большого театра и увидел свежую позолоту на памятных досках, напоминающих о создании там союзного государства.

Советский Союз присутствует в разговорах с людьми разных поколений, будь то в Москве, Барнауле или Душанбе. «Last but not least», Советский Союз ощущается и внутри нас, когда мы сомневаемся, возмущаемся или радуемся по разным поводам, слыша, видя, пробуя на вкус те или иные вещи, особенно накануне и во время советских праздников, как например, в эти дни (в дни Конференции: 7 – 8 ноября. – *Ред*).

Иногда создается впечатление, что СССР в чем-то возрождается. При этом я не имею в виду волну советского ретро (от возвращения старого советского гимна до разного рода потребительских продуктов с соответствующими наклейками). Здесь я подразумеваю другое – более глубинные этажи сознания и повседневности, особенно среди молодежи, которые проявляются в различных формах поведения, стиля одежды или даже макияжа.

И все же будем откровенны: процесс распада продолжается и очевидно становится необратимым. Кто в этом сомневается, пусть вспомнит хотя бы о пятидневной войне на Кавказе 2008 года как его промежуточной кульминации. Война – это, конечно, крайний аргумент, но есть и другие. Распад продолжается: это становится ясным с

каждой новой техногенной катастрофой, с каждым новым «газовым» спором между Москвой и Минском или Киевом или со скандалами вокруг Байконура, с каждой новой книгой или телепередачей на тему «русскости», «казахства» или «украинства», с каждой непереуверенной книгой, с каждым отмененным уроком русского языка на необъятных постсоветских пространствах.

Советский Союз умирает вместе с постепенным отказом от равного и бесплатного доступа граждан к образованию, здравоохранению и культуре. С ростом цен на книги, введением платного образования в школах и вузах, с пресловутой борьбой против нарушения монопольного положения правообладателей («пиратство»), с каждым отпуском, проведенном не на Черном, а на Средиземном море и, наконец, с каждой чашкой «капучино», выпитой в глобализированных кофейнях больших и средних городов Евразии.

Другими словами, Советский Союз умирает – тяжело, болезненно, мучительно. Но его смерть сопровождают, как это ни парадоксально, и вполне продолжительные моменты креатива, созидания нового на обломках старого.

II. Не будучи экономистом, но все же обобщив все доступные мне факты, я вынужден прийти к смелому выводу, что главной причиной распада Советского Союза едва ли была, как часто говорят, неэффективная экономика, даже вкупе с дефицитом демократии. Да, экономика СССР была далека от совершенства, и, с точки зрения буржуа, в СССР не было демократии. Все это – скорее вторичные явления, более глубинная причина распада, по-моему, вытекала из другого, а именно – из противоречия между классическим российским традиционализмом и беспощадным утопизмом многих русских авангардистов и большевиков. Это напряжение было таким сильным, что перехватывало дыхание самого общества. Все десятилетия советской практики можно назвать, как поется в одной песне, «одним большим рывком на старте».

Это фундаментальное противоречие задушило множество замыслов и грез миллионов людей. Оно встало на пути новаторских планов в области управления, экономики и социальной инженерии 20 – 30-х годов. Противоречие это стало источником гипертрофированного социального нормирования. Оно оправдало внутренний культурный снобизм – противопоставление «высокой» и «массовой» культуры при одновременной идеализации фольклора, или «народного» искусства. И что еще немаловажно: все сексуальное оказалось вытесненным на обочину, в приватную сферу, что открыло шлюзы для всех мыслимых патологий и мелкобуржуазного морализаторства. Другими словами, это противоречие привело к тому, что советский эксперимент так и не преодолел стадию фрагментарности. От первоначального тотального

замаха мало что осталось. Если СССР развалился или разваливается, то не от избытка тотальности, а от ее дефицита.

Но «нет худа без добра». Как рукотворные алмазы рождаются под большим давлением, так и напор советской эпохи породил явления, значение которых выходит далеко за рамки одной страны. Приведу лишь пару примеров. Первое: СССР удалось не только помечтать или обсудить выход человека в космос, но и организовать его практически в форме советской космонавтики. Как бы банально это ни прозвучало, возможно, именно космос надолго останется в первом ряду эпохальных советских достижений. Второй пример относится к интеллектуальным поискам 60 – 70 годов. Если на Западе эти поиски шли под влиянием отчасти рационального, отчасти иррационального постмодернистского импульса, постепенно принимая форму социально-политического нигилизма, то в Советском Союзе, заглядывая в будущее и критически переосмысливая прошлое, старались не прерывать контакт между прошлым и будущим, сохранять релевантную преемственность. Это особенно отразилось в советской так называемой постнеклассической интеллектуальной парадигме: даже в запале авангардизма, рывка в будущее «мосты» не сжигали, они продолжали соединять прошлое, настоящее и будущее.

III. Процесс распада СССР породил не только различные категории «проигравших», преимущественно в материальном, а также в ментальном плане, но и целое потерянное поколение. Это люди, которым сегодня около 50 лет – мое поколение.

На закате советской эпохи они – точнее, *мы* – заканчивали или закончили образование, не только в формальном смысле, но и в смысле социализации. Большинство даже успело устроиться на работу, знало, чем будет заниматься, в ходе бурных дебатов 80-х годов подготавлилось к «светлому» будущему, в целом представляло себе, хотя и не в полной мере, его сложности. Готовились мы ко многому, но Беловежской Пуши не ожидал никто. И вдруг все замерло. Работы не стало, «каждый умирал в одиночку» и вынужден был формулировать собственную стратегию выживания.

Ключевым словом стало слово «адаптация». Некоторым удалось все же, хотя и ценой самоотрицания, приспособиться к новой реальности. Другие выбрали иной путь, не захотели переступить через себя, но легче им от этого не стало. Именно у них возникли «сложности перевода»: за годы подготовки к профессиональной жизни они выработали некий понятийный аппарат, который неожиданно стал непригоден в качестве основного инструмента коммуникации. Эти люди, к которым я отношу и себя, надолго застряли «между всеми стульями», вернее между всеми поколениями.

Отношения со старшими товарищами развивались трудно, от них исходило разочарование и даже немые упреки в предательстве. Смириться с этим было нелегко: с одной стороны, мы сочувствовали «старикам», но и раздражались из-за их отношения к нам. Приступы благодарности нередко вызвали взаимную неловкость. Часто наши дискуссии превращались в тяжкий труд хождения по кругу.

Не менее сложно складывались наши отношения с более молодыми, с теми, которые в годы перелома были еще детьми. Ощущалось даже традиционное противоречие «отцов и детей», хотя эти молодые люди были моложе нас лишь на 5 – 10 лет. Но нам они казались посланцами неведомых миров, а как выглядели в их глазах мы, я даже не решаюсь предполагать. Молодые сосредоточились на точечных проектах, мелких вещах под лозунгом «здесь и сейчас», и это казалось нам невозможным, ведь мы были настроены на «мега-мышление», увлечение утопией и всякие грандиозные конструкции. Другие качества молодежи нас просто смешили, например, их пресловутая закрытость, своего рода формализм, их упование на неприкосновенность приватной сферы.

Со временем в этих отношениях, конечно, что-то менялось. Нам казалось, что мы стали лучше понимать молодых, даже начали им завидовать, например, в том, что касалось широты доступа к знаниям, информации (интернет, современные средства коммуникации), быстроты развития прогресса, той «форы», которую они получили за счет возраста (кто раньше считал 10 – 15 лет серьезным сроком?). А чему-то и научились у этих ребят – ведь жизнь не сводится к «витанию в облаках», иногда надо «пахать» на земле.

Но проблемы остаются. То, что нас больше всего разделяет, это наши подходы к преемственности. Молодым, похоже, это не так уж важно. Но для нашего поколения «последних метафизиков» – это ключевой вопрос. И это определяет наше стремление, а для кого-то даже призвание, стать посредниками между разными поколениями, «берегами» – прошлым и будущим – которые теснят нас с двух сторон. Это могло бы стать нашей миссией, но стало нашим «крестом» – посредники из нас не получились. Мы определенное время переживали по этому поводу, но теперь признаем, что это невозможно.

Остается нести свой крест дальше, терпеливо вышивать метафизические узоры и пытаться самим не потерять преемственность. На фоне этих поисков мы понимаем, что нас окружает большинство, которое равнодушно, досадует, смеется, раздражается по поводу «остатков», «руин», «осколков» старой распадающейся эпохи. Для нас все эти осколки имеют совсем другой смысл. Для нашего поколения – это ценный инвентарь, арсенал для огромной «мастерской будущего», который помогает нам оттачивать сенсорнику, обогащать

знания и, таким образом, заглядывать в будущее, не теряя связь с прошлым.

Да, это занятие для одиноких. Но иногда закрадывается такая мысль: мастерская работает, медленно, но верно. Возможно, нам в итоге все же удастся помочь тем, кто идет за нами, не потерять связь времен. Найдя общий язык с будущими поколениями, мы сможем таким, косвенным, образом выполнить свою повинность перед уходящей плеядой, ибо надежда умирает последней.

Аннотация

Советский Союз еще не умер, он умирает медленно и мучительно. Основные причины его смерти – не экономические или политические, а глубокое противоречие между русским традиционализмом и большевистским утопизмом. Оно не позволило советскому проекту выйти за рамки стадии фрагментарности. Гибель Советского Союза произвела целое потерянное поколение, которое отчаянно старается связать прошлое с будущим.

Ключевые слова: традиция, революция, историческая преемственность, поколенческий конфликт, историческая тотальность (комплексность), культура.

Summary

The Soviet Union has not died yet, though it is dying a very slow and painful death. The main reason for his dying is not economical or even political. It rather stands from the blatant contradiction between the Russian traditionalism and the Bolshevik avant-gardism. That has prevented the Soviet project from overcoming its fragmentary condition. While dying the Soviet Union produced a hole lost generation, desperately trying to mediate between the past and the future.

Keywords: tradition, revolution, historical continuity, generation conflict, historical totality (complexity), culture.